

Александр Грин
В Италию

«Public Domain»

1906

Грин А. С.

В Италию / А. С. Грин — «Public Domain», 1906

Содержание

I	5
II	6
III	8
IV	9
V	10
Примечания	12

Александр Степанович Грин В Италию

I

Измученный и полузадохшийся, дрожа всем телом от страшного возбуждения, Геник торопливо раздвинул упругие ветви кустов и ступил на дорожку сада. Сердце неистово билось, шумно ударяя в грудь, и гнало в голову волны горячей крови. Вздохнув несколько раз жадно и глубоко, он почувствовал сильную слабость во всем теле. Ноги дрожали, и легкий звон стоял в ушах. Геник сделал несколько шагов по аллее и тяжело опустился на первую попавшуюся скамейку.

Те, кто охотились за ним, без сомнения, потеряли его из виду. Быть может – это было и не так, но так ему хотелось думать. Или, вернее – совсем не хотелось думать. Странная апатия и усталость овладевали им. Несколько секунд Геник сидел, как загипнотизированный, устремив глаза на то место в кустах, откуда только что вылез.

В саду, куда он попал, перескочив с энергией отчаяния высокий каменный забор, было пусто и тихо. Это был небольшой, но густой и тенистый оазис, заботливо выращенный несколькими поколениями среди каменных громад шумного города.

Прямо перед Геником, за стволами деревьев на лужайке красовалась цветочная клумба и небольшой фонтан. Шум уличной жизни проникал сюда лишь едва слышным дребезжанием экипажей.

Надо было что-нибудь придумать. Огненный клубок прыгал в голове Геника, развертываясь и снова сжимаясь в ослепительно блестящую точку, которая плыла перед его глазами по аллее и зеленым кустам. Напряженная, почти инстинктивная работа мысли подсказала ему, что идти теперь же через ворота, рискуя, вдобавок, запутаться на незнакомом дворе, – немислимо. Сыщики гнались за ним по пятам и только после двух его выстрелов убавили шаг. Он вбежал в первый попавшийся двор, перепрыгнул стену и очутился в пустом, незнакомом саду. Он не знал даже, выходят ли ворота этого двора на ту улицу, где он оставил погоню, или же на противоположную. Но даже и в этом случае его положение было сомнительным. Квартал, наверное, был уже оцеплен.

Геник вынул револьвер и сосчитал патроны. Было семь – осталось три. Двумя он очень убедительно поговорил с городовым, побежавшим за ним. Служака растянулся лицом книзу на пыльной, горячей мостовой. Две прожужжали мимо ушей сыщика. Осталось три... Трех было очень мало...

Беспокойные мухи назойливо гудели вокруг, садились на лицо и глаза, раздражая своим прикосновением пылающую кожу. Откуда-то донесся стук ножей, запах кухни и звонкая перебранка. Нервно кусая губы и машинально рассматривая носки сапог, Геник пришел к заключению, что, пожалуй, самое лучшее для него теперь – это забраться куда-нибудь в дровяной сарай или конюшню, предоставив дальнейшее случаю...

II

Когда он поднял, наконец, глаза, маленькая девочка, стоявшая против него, рассмеялась тихим смехом. Ее руки кокетливо прятались за спиной, и светлые карие глазки в упор смотрели на незнакомца.

Есть в человеческой психике что-то, что иногда в самые важные моменты нашей жизни вдруг неожиданно направляет мысли очень далеко от текущего мгновения. Особа, стоявшая на дорожке, вдруг напомнила Генику что-то, несомненно, виденное им... Он прогнал муху, приотившуюся над его бровью, и разом поймал ускользавшее воспоминание...

...Маленькая лужайка в густом парке, окруженная сплошной стеной маличника, бузины и высоких, шумящих деревьев. Сноп света падает почти вертикально из голубой вышины. Густая трава пестреет яркими головками лесных цветов...

Это было доисторическое время, когда земля кипела нарядными бабочками, стрекозами с прозрачными крыльями, невыносимо серьезными жуками, царевичами и трубочистами. Жить было недурно, только прелесть жизни часто отравляла особая порода, именуемая «взрослыми». «Взрослые» носили брюки навывпуск, ничего не знали (или очень мало) о существовании разрыв-травы и важнейшим делом жизни считали уметь есть суп «с хлебом»...

Все это – лужайка, мотыльки и взрослые – сверкнуло и исчезло. Жгучая, острая тоска затравленного зверя сдавила Генику грудь, и он гневно скрипнул зубами.

Сделав два шага по направлению к скамейке, на которой сидел Геник, девочка устремила на него улыбающиеся глаза и произнесла полужастенчивым, полурадостным голосом:

– Здравствуй, дядя Сережа!

– Здравствуй, – ответил Геник, машинально поворачивая в кармане барабан револьвера.

– А ты почему не приехал завтра? – продолжал ребенок, испытующе посматривая на дядю. – Мама тебя очень бранила. Она говорит, что ты какой-то деревянный!

– Мама пошутила, – медленно и внушительно сказал Геник. – Она думала, что ты умная. А ты – глупенькая!

– Это уж ты глупенький-то! – Девочка надулась. – Не буду тебя любить!

– Вот как! Это почему?

– А ты... ты, ведь, хотел привезти железную доро-о-огу! И еще зайчика... Разве ты обманщик?

– Я был сердит на твою маму, – вывернулся Геник. – Я хотел, чтобы тебя назвали Варей, а она меня не послушала.

– Варя – это у кухарки, – заявила девочка, подступая ближе. – Она рыжая. А я Оля!

– Ну, вот. Но теперь я уже перестал сердиться. И знаешь, что я придумал?

– Нет! Какую-нибудь дрянь? – осведомилась девочка.

– Ай, какой стыд! Кто тебя научил так говорить? Вот скажу маме непременно, что учишься у Вари...

– Я не учусь! Это папа так говорит, – хладнокровно возразила племянница.

– Ай-яй-яй! Ай-яй-яй! – продолжал укоризненно покачивать головой Геник.

– Ну – я не буду! Ну – скажи, что? – приставала девочка.

– А ты любить меня будешь?

– Да-а! – Оля утвердительно кивнула головой и, подойдя к Генику, сложила свои розовые пальчики на его большой сильной руке. – Ну, скажи же, скажи!

– Мы, – торжественно заявил Геник, – поедем с тобой на настоящей железной дороге!

– В Италию, – с восторгом подхватила Оля, и глаза ее мечтательно расширились.

– В Италию! Мы возьмем с собой маму м... м...

– Мы еще возьмем... возьмем вот кого! – Оля задумалась. – Мы возьмем всех, правда? И маму, и Варьку, и Ганьку, и французенку... Нет, французенку не нужно! Она злая! Она все жалуется, а пайка ее очень любит за это!..

– Вот как! Ну, мы ее тогда... оставим без обеда!..

– Во-от. Так ей и надо! – Девочка с нетерпением смотрела на Геника. – Мы едем в Италию!

– Нет! – печально вздохнул Геник. – Я и забыл, что мне нельзя ехать.

– Ну-у?! – Оля недоверчиво и огорченно раскрыла рот. – А почему нельзя? а?

Ее подвижное личико надулось, и губы обиженно задрожали, приготовляясь плакать.

Геник погладил ее по щеке и сказал:

– Я пошутил, Оля. Ехать можно, только надо купить летнюю шляпу.

– Вот такую, как у папы, – озабоченно заметила девочка. – Белую. А ты был в Италии?

– Был. Только там шляпы лучше папиной!

– Да-а, как же! У папы всегда лучше, – заявила племянница и вдруг даже подпрыгнула от радости.

– Сережа, едем! – закричала она, хлопая в ладоши. – Скорее! Я дам тебе папину шляпу – вот!

Геник привлек девочку к себе и поцеловал ее в сияющие глаза.

– Не надо, Оля, – сказал он печально. – Мама узнает, будет бранить Олю!

– Мамы нет, Сережа! Она у художника – знаешь? Плешивый!..

III

Геник не успел открыть рот для ответа, как белое платье девочки уже замелькало по направлению к дому. Через несколько мгновений топот ножек затих.

Тогда он достал из бокового кармана номер вчерашней газеты и развернул ее, смоченную потом. Сразу как-то назойливо бросилось в глаза объявление табачной фабрики с массой восклицательных знаков.

«Вызвали наряд городских, – думал он, чувствуя, как им овладевает мелкая нервная дрожь, сменившая возбуждение. – По улицам расставили шпионов. По углам сторожат конные жандармы. Телефон работает...»

Где-то, вероятно на соседнем дворе, шарманка заиграла хрипящий, жалобный вальс. Солнце поднялось над соседней крышей и заглянуло в глаза Генику. Маленькая, вертлявая птичка запрыгала по аллее и вдруг испуганно вспорхнула, увидев человека, одетого в черное, с бледным лицом. Геник проводил ее глазами и насильно усмехнулся, вспомнив Олю. Затем встал, провел рукой по пыльному лицу и огляделся.

Стена имела не менее сажени в высоту. Она охватывала сад, находившийся в задней части двора, с трех сторон. Было странно, как мог он перескочить ее без посторонней помощи. Это произошло мгновенно; как будто какой-то вихрь поднял его тело и перебросил по эту сторону. Во всяком случае, нечего было и думать повторить снова эту штуку. Всматриваясь пристальнее в глубину сада, он заметил в отдалении легкие просветы, сквозь которые можно было видеть маленькие кусочки мошеного двора и угол каменного, многоэтажного дома.

Он снова сел и только тут заметил, что его одежда носила явные и свежие следы кирпича и извести. Схватив горсть влажной травы, он начал поспешно приводить себя в порядок, затем развернул газету и напряженно, до боли в глазах, стал вглядываться поверх ее страниц в темную глубину сада.

IV

Кровь постепенно отхлынула от сердца, но пульс бился по-прежнему неровно и часто. Станный, колющий озноб пробегал по его ногам, несмотря на июльскую жару.

Цветочная клумба пришла в движение. Немилосердно комкая дорогие цветы, белое платье Оли пронеслось вихрем и остановилось перед Геником. Лицо девочки сияло восторгом блестяще выполненной задачи: большая отцовская шляпа широким грибом покрывала ее густые русые волосы.

– Вот папина шляпа, Сережа! – заявила она, шумно переводя дыхание. – Надевай!

Она привстала на цыпочки и, прежде чем Геник успел нагнуться, торопливые детские руки сорвали его помятую, черную шляпу и нахлобучили взамен ее желтую новенькую панаму.

– Ах! – она отступила на шаг и, сложив руки, прижала их к груди, с явным восхищением поглядывая на дядю. Незаметным ударом ноги Геник подбросил под скамейку свой отслуживший головной убор.

– Ну, вставай же, поедем!

– погоди, детка, – улыбнулся Геник. – Еще поезд не пришел. Он придет скоро, скоро... и тогда... Мне еще нужно съездить по делу на часок. Потом я вернусь, и мы отправимся.

– Ну, пойдем ко мне! Я покажу тебе Зизи. Она сейчас завтракает, а потом будет кувыряться... У нее глаза болят!..

– Видишь ли, очень жарко. А в комнате еще теплее. Я даже хочу снять пальто.

Геник стащил с себя летнее черное пальто, опустил его за скамейку и остался в широком, сером пиджаке, делавшем его гораздо полнее, чем он был на самом деле и казался в своем узком пальто.

– А я сяду к тебе? – она заглянула ему в глаза. – Можно? Только ты меня усами не трогай. Папа меня всегда усами щекочет.

Болтая, она вскарабкалась к нему на колени и прижалась щекой к его боковому карману, где лежал револьвер.

– А ты хочешь какао, Сережа? Мама мне всегда велит пить какао. Оно такое противное, как лекарство!

V

Но уже кто-то, чужой и враждебный, шел из глубины сада... Мерно хрустел песок, слышалось сдержанное покашливание... Геник затаил дыхание и сунул руку за пазуху...

Два городских, с револьверами наготове, показались в изгибе аллеи. Они шли медленно и осторожно. Впереди шел дворник, плотный, невысокий мужик, широколицый, с маленькими, часто мигающими глазами.

Увидев их, Оля вырвалась из рук Геника и стремительно кинулась к дворнику. Ухватившись за его грязный передник, она запрыгала и заторопилась, путаясь и захлебываясь.

– Степан! Он приехал! Дядя Сережа! Вот он! Он меня повезет в Италию!

Наступило короткое молчание. Полицейские осматривались кругом, нерешительно порываясь двинуться дальше.

Был момент, когда, как показалось Генику, сердце совсем перестало биться у него в груди, и земля завертелась перед глазами...

– С приездом осмелюсь вас поздравить, барин, – сдержанно сказал Степан, приподнимая фуражку. – Позвольте, барышня, как бы не зашибить вас случаем!

Он бережно отстранил девочку и опустил руки по швам.

– Мы, ваше степенство, можно сказать, двор осматриваем... С Михайловской улицы из пивной видели, как тут человек к бельгийцу во двор заскочил... А окромя как через наш двор ему выскочить негде...

– Какой человек? – отрывисто спросил Геник.

– Из тюрьмы сбежал, барин, бунтарь. Вся полиция на ногах. В городского стрелял, прямо в живот угодил...

Геник поднялся во весь рост, строгий и величественный.

– Степан! – начал он медленно и внушительно, смотря дворнику прямо в глаза, – стоит мне сказать одно слово – и ты будешь немедленно уволен! Помогать охране порядка – твоя прямая обязанность! В то время, как вот они, – он указал взглядом на городских, – не жалея жизни исполняют свой долг – ты сидишь в пивной и, разинув рот, ловишь мух! Очень хорошо!

– Господи! Ужли ж я... ведь на один секунд! Ежели в этакую-то жару выпьешь единую кружку, так уж и не знаю что... Эх, барин!

Степан обиженно вздохнул и умолк.

– Иди, я не держу тебя. Впрочем – погоди. Позови извозчика – ряди в дворянское собрание...

– Хорошо-с, – сказал угрюмо Степан, надевая картуз.

Он немного потоптался на месте, и все трое удалились, переговариваясь вполголоса. Оля робко подошла к Генику и тихо сказала:

– Какой ты сердитый! А ты на меня будешь кричать?

– Нет...

– Они кого ищут? Мазурика? Да?

– Да...

– Он какой – голый?

– Да...

Геник стоял во весь рост, затаив дыхание, сжав кулаки и, как окаменелый, глядя в сторону ушедших. Когда шум шагов затих, он в изнеможении почти упал на скамью и разразился нервным, рыдающим смехом...

Испуганная девочка кинулась к нему и, напрягая все силы, сама готовая заплакать, старалась поднять его голову, опущенную на вздрагивающие руки.

– Сережа, не плачь! Сережа – я обманула тебя! Я буду тебя любить...

Громадным усилием воли Геник поднял голову и взглянул на девочку. Ее испуганные глазки беспомощно смотрели на него, пальчики трясли изо всех сил большую, загорелую руку. Вдруг Геник скорчил потешную гримасу, и Оля звонко расхохоталась.

– Ты – смешной! – заявила она. – Как клоун!

На другом конце двора послышалось дребезжание извозчичьего экипажа. Геник встал.

– Прощай, Оля! – сказал он, поправляя галстук. – Я приеду к обеду и привезу тебе железную дорогу.

– И лошадку?

– Да, и лошадку. А потом мы поедем в Италию!..

– Вот как хорошо! – засмеялась девочка, идя рядом с ним. – Ты, ведь, до-о-бренький! Я с тобой всегда буду ездить!

Аллея кончалась, и перед ними блеснул чисто выметенный, мощный двор. У роскошного крыльца ожидал извозчичий фаэтон. Подойдя к экипажу, Геник нагнулся и поцеловал пушистую, русую головку.

– До свидания! Будешь умница?

– Да-а!..

Он вскочил на сиденье, и экипаж с грохотом выехал на улицу.

Оглянувшись назад, Геник увидел Олю. Она стояла у железной решетки ворот, освещенная солнцем, золотившим ее густые кудри, и усиленно кивала головкой уезжавшему...

Когда экипаж поворачивал за угол, Геник оглянулся еще раз. Мгновенно мелькнуло и скрылось белое пятнышко, а ветер встрепенулся и донес слабый отголосок детского крика:

– Ведь ты приедешь, Сережа?

Примечания

В Италию. Впервые – в газете «Биржевые ведомости», веч. вып., 1906, 5 (18) декабря. Подпись А.А.М-в. Автор проживал в то время по паспорту умершего вятского мещанина А.А.Мальгинова. Первый легально опубликованный рассказ А.С.Грина. В газете допущена опечатка – рассказ назван «В Италии».